

кто делает меньше поперечных линий, чем я указывал выше, затратят меньше труда, но они так же меньшего и достигнут. Таково первое различие, зависящее от поперечных линий.

Других различий можно достигнуть, передвигая проведенные через тело поперечные линии подобно тому, как мы ранее наблюдали это в неправильных лицах. Ты можешь сдвинуть с места все поперечные линии тела, раздвинув или сблизив их друг с другом. Если сблизить линии, члены будут короткими, если раздвинуть их далеко друг от друга, то члены между ними станут длиннее. Все это связано с понятиями длинное и короткое.

Теперь перейдем к толщине и ширине. Их изменения происходят на всех поперечных линиях и между ними. Если ты удлинишь какую-нибудь из этих линий, то изображение станет в этом месте шире спереди и толще сбоку; если же ты ее убавишь, то изображение станет уже и тоньше. То же самое происходит и между всеми поперечными линиями, так что все части фигуры можно увеличить или уменьшить. Но ты не должен делать ни одну часть слишком длинной, короткой, толстой, тонкой, широкой или узкой. И если ты сведущ, ты, без сомнения, сможешь достигнуть с помощью описанных выше вещей чудесных изменений фигур и находить в них большое разнообразие. Таким образом у некоторых получаются широкие плечи, тонкая талия, узкие бедра и наоборот; у иных получается короткое тело, длинные ноги или наоборот; некоторые имеют стройное тело и такие же руки и ноги, у иных же они кривые. Так с помощью измерения постигается природа человеческой фигуры. Из всего вышеупомянутого можно извлечь способы делать красивые и безобразные вещи. Но тот, кто намерен заняться подобным делом, должен заранее знать, чего он желает достигнуть. Для того я и показал все вышеописанное, чтобы каждый мог заранее обдумать свою работу. И тот, кто хочет отличиться в своем искусстве, должен, насколько он сумеет, применять лучшее и наиболее подходящее к данному случаю. Но при этом следует заметить, что способный и опытный художник может даже в грубой мужицкой фигуре и в малых вещах более показать свою великую силу и искусство, чем иной в своем большом произведении. Эти странные речи смогут понять лишь большие художники, и они скажут, что я прав. Отсюда следует, что один может в течение одного дня набросать пером на половине листа бумаги или вырезать своим резцом из маленького куска дерева нечто более прекрасное и совершенное, нежели большое произведение иного, который делал его с величайшим усердием в течение целого года. И дар этот чудесен. Ибо бог нередко дарует одному человеку такой разум и такие способности учиться и создавать прекрасное, что подобного ему не найдешь ни в его время ни задолго до него, и после него не скоро появится другой. Примером этому могут служить римляне времен расцвета. Мы мало найдем теперь в нашем искусстве произведений, подобных созданным ими, обломки которых мы еще можем видеть.

Но если мы спросим, как сделать прекрасную фигуру, то некоторые скажут: делай по суждению людей. Иные же не согласятся с этим, и я тоже. Кто сможет научить нас этому, не обладая истинным знанием? Ибо, я думаю, нет на свете человека, который мог бы представить себе полнейшее совершенство хотя бы малейшего живого творения, не говоря уже о совершенстве человека, который является высшим творением бога и которому подчинены все другие создания. Я допускаю, что один художник, созерцая и изображая более прекрасную фигуру, может сделать более доступными разуму заключенные в природе основы прекрасного, чем другой. Но он не сможет исчерпать их до конца так, чтобы невозможно было создать ничего более прекрасного. Ибо человеческого разума для этого недостаточно. Лишь одному богу известно все это, а также тому, кому он это открывает. Истина же могла бы состоять только в нахождении прекраснейшей фигуры и наилучших пропорций человека, которые превзошли бы все прочие.

О подобных вещах люди советуются, и имеют бесчисленное множество различных суждений, и следуют многими путями, хотя достигают чаще уродливого, чем прекрасного. Вследствие множества присущих нам подчас заблуждений я не могу решить здесь окончательно, какие пропорции могли бы приблизиться к истинной красоте. Но насколько это в моих силах, я хотел бы помочь устранению и изгнанию из наших произведений грубого уродства, кроме разве лишь того случая, когда кто-либо специально старался бы сделать нечто уродливое. Возвратимся теперь снова к вышеупомянутым суждениям людей. В одно время они считают красивой одну фигуру, в другое время они выбирают вместо нее другую. Если они заказывают мастеру произведение, то мастер этот должен быть достаточно искусен, чтобы удовлетворить их желания, тогда он достоин славы. Чтобы выполнить их волю, он должен обладать огромным опытом. И ему было бы весьма полезно, если бы он мог постигнуть, что именно те, а не иные пропорции являются истинными,